

— Всё-таки дни, проведённые за стенами дворца, были самыми беззаботными и свободными. Я ведь мог и дальше жить так... — пробормотал он, и в глубине его сердца мелькнула капля горечи.

Вспомнив, что прямо перед ним сидит старшая сестра, Дунфан Ду сгрёб эту тоску в кулак, легко улыбнулся и произнёс:

— Вот так примерно эти десять лет и прошли. А что до мира за дворцовыми стенами... как бы красиво твой младший брат ни расписывал его, это всё равно не сравнится с тем, чтобы увидеть всё своими глазами.

Услышав столь общие слова о десятилетии вне дворца, Дунфан Линъю решила, что он просто не хочет вдаваться в подробности своей прошлой жизни, и на душе у неё зацимило: «Я ведь могла стать частью твоего прошлого, но ты ушёл из дворца... Кто бы мог подумать, что теперь мне даже расспросить тебя обо всём толком нельзя...»

Взгляд её померк, но тут же сменился горькой, смиренной усмешкой.

— Раз так, то отдыхай, второй младший брат, а старшая сестра не смеет тебя больше утомлять.

С этими словами она собралась встать.

Дунфан Ду поспешно приподнялся, протянул правую руку и крепко перехватил запястье собиравшейся уходить Дунфан Линъю. С лёгкой улыбкой он сказал:

— Старшая сестра, как насчет того, чтобы сбежать со мной из дворца и повидать мир?

Разве мог Дунфан Ду не заметить промелькнувшей в её глазах тоски и боли? В прошлой жизни именно старшая сестра относилась к нему лучше всех. Теперь же, получив шанс возродиться и вернуться в свои четырнадцать лет, он, естественно, хотел ответить ей тем же теплом.

От ладони Дунфан Ду волна за волной исходило живое тепло. Кожа на запястье в месте хватки казалась горячее остального тела, и даже сердце против воли забилось быстрее. Щеки Дунфан Линъю слегка порозовели. Глядя на неотрывно следящего за ней Дунфан Ду, полного надежды и ожидания, она приоткрыла рот и лишь еле слышно выдохнула:

— В-второй младший брат...

— Разве старшая сестра не хотела узнать, каков он — внешний мир? Давай завтра же я тайком выведу тебя из дворца? — по-прежнему мягко улыбаясь, предложил Дунфан Ду, глядя на её порозовевшее лицо.

В этот момент в его голове вдруг промелькнула дерзкая мысль — прикоснуться губами к этим щекам, нежным и розоватым, точно лепестки персика. Но стоило ему вспомнить, что перед ним родная старшая сестра и что в его сердце зарождается столь неподобающее чувство, как

Дунфан Ду в ужасе отдернул руку и принялся яростно корить себя в мыслях: «Дунфан Ду, как ты мог дойти до таких скотских мыслей?! Она же твоя кровная сестра!»

Дунфан Линьфу поначалу никак не могла взять в толк, почему в глазах второго младшего брата мелькнуло лукавство, которое вдруг сменилось жгучим самобичеванием. Она совершенно не понимала, отчего он так испуганно и поспешно выпустил её запястье. Поразмыслив немного, она решила, что Дунфан Ду просто вспомнил о приличиях, разделяющих мужчину и женщину, и потому поспешил отстраниться. Дунфан Линьфу бросила взгляд на собственное запястье, которое только что сжимал Дунфан Ду, а затем перевела взгляд на его руку: он до сих пор судорожно теребил край ее нижнего белого халата. Вспомнив слова о том, что завтра он собирается взять ее с собой за пределы дворца, она недоверчиво переспросила:

— Младший брат, ты хочешь сказать, что завтра выведешь меня из дворца?

Дунфан Ду, слегка покраснев и опустив голову, тихо кивнул. Подумав, что такое вороватое и испуганное выражение лица может заставить старшую сестру предаться лишним мыслям, он изо всех сил попытался подавить странные чувства, зародившиеся в его сердце, поднял голову и произнес:

— Старшая сестра, как насчет того, чтобы завтра я тайком вывел тебя из дворца?

— Но... но ведь ты еще болеешь? — Дунфан Линьфу посмотрела на Дунфан Ду в одном лишь нательном халате и, вспомнив, что он все еще нездоров, решительно отказалась: — Второму младшему брату лучше отлежаться еще несколько дней. Успеешь еще сводить старшую сестру за пределы дворца, когда поправишься.

— Старшая сестра, я давно здоров, — возразил Дунфан Ду. Приподнявшись, он на коленях подполз к краю кровати, заглянул в глаза Дунфан Линьфу и, продолжая теребить край ее одежды, заговорил вновь: — Старшая сестра, хочешь, потрогай мой лоб, если не веришь? Жар уже спал, и завтра, завтра я смогу вывести тебя из дворца.

Дунфан Линьфу все равно покачала головой:

— И все равно нельзя. Если ты снова заболеешь, старшая сестра просто не вынесет такой ответственности.

В глазах Дунфан Ду мелькнуло жалобное выражение, и, глядя на Дунфан Линьфу словно щенка, он принялся ластиться:

— Старшая сестра, младший брат так хочет вывести тебя наружу, как ты можешь отказываться...

Многолетнее отчуждение и холодность растаяли без следа под этим детским кокетством и лаской Дунфан Ду. В прошлой жизни после смерти благородной супруги Сянь Дунфан Ду остался совершенно одинок и беспомощен. Хотя у него и был отец-император Цяньвэнь-ди, из-за слабого здоровья в детстве и отъезда из дворца в трехлетнем возрасте они не были близки, не говоря уже о каком-либо особом благоволении. При дворе императора его присутствие было не более заметным, чем у какого-нибудь евнуха или дворцовой служанки.

Дунфан Линьфу, которую благородная супруга Сянь воспитывала еще младенцем, по праву считалась родной сестрой Дунфан Ду. Как говорится, старшая сестра — это та же мать, поэтому Дунфан Линьфу взяла на себя материнские обязанности покойной супруги, проявляя о

Дунфан Ду огромную заботу и внимание. С тех пор Дунфан Ду часто проводил время с Дунфан Линью, и хотя разница в возрасте составляла всего два года, он продолжал ластиться к ней, словно маленький ребенок. Эта привычка из прошлой жизни незаметно вернулась и теперь. Глядя, как Дунфан Ду ластится к ней, Дунфан Линью невольно вспомнила прошлое. Как сказывала благоверная наложница Сянь, в детстве она вечно норовила потыкать Дунфан Ду в мягкие пухлые щеки, а то и тайком чмокнуть его в лицо, пока он спал. Теперь же пухлые щеки превратились в изящное овальное личико, младенец в пеленках вырос в юношу редкой красоты, и этот самый юноша сейчас ластился к ней. Сердце Дунфан Линью растаяло от нежности. «Это всё тот же мой второй младший брат, даже спустя десять лет разлуки он остается моим самым близким и любимым венценосным братом».

— Старшая сестрица не то чтобы не хочет согласиться, просто твое здоровье восстанавливается не так быстро. Вот поправишься полностью, сестрица тогда и сходит с тобой за пределы дворца, посмотреть на тот белый свет, идет?

Как бы ни смягчилось ее сердце, Дунфан Линью все же отклонила предложение Дунфан Ду выйти из дворца завтра же.

— Заболеешь снова — матушка наложница потом точно и шагу мне не разрешит ступить в твой дворец Цинфэн. Нет, какое там ступить, боюсь, она вообще запретит мне даже приближаться к твоему дворцу Цинфэн ближе чем на пол-литра.

— Тогда... — Дунфан Ду хотел было сказать что-то еще, но, подумав, что и впрямь повел себя слишком поспешно, смог лишь кивнуть. — Тогда послушаюсь старшую сестрицу. Когда болезнь совсем отступит, тогда и сводишь сестрицу за ворота дворца посмотреть на белый свет.

Про себя же он подумал: «Если бы только можно было, по-настоящему хочется зажить с матушкой-наложницей и старшей сестрицей за стенами дворца».

И тут же вспомнилось, как в прошлой жизни он искал утешения среди гор и вод, коротая дни праздным князем в поместье Цинь-вана за пределами дворца, в то время как его безжалостный, двуличный, лицемерный и притворно-добросердечный старший брат-наследник, едва взойдя на престол, первым делом подослал тайных стражей убить его и остальных удельных князей. Пришлось тут же отбросить мысли о беззаботной жизни на воле. «Этот императорский трон мне придется отвоевать!»

— Братец, берегись сквозняков, ложись-ка обратно.

Зима нынче выдалась суровая, и хотя в покоях горел уголь, Дунфан Линью все равно тревожилась, как бы переболевший Дунфан Ду, одетый лишь в нижнее платье, снова не простудился и не свалился с лихорадкой.

— Старшая сестрица уже уходит? Братец так не хочет тебя отпускать... — Дунфан Ду захлопал ресницами, заглядывая в глаза Дунфан Линью.

«Когда матушка-наложница уходит, велит мне ложиться обратно, и ты, когда уходишь, тоже велишь ложиться!»

— Братец, поправляйся как следует, отныне сестрица будет навещать тебя каждый день, — мягко произнесла Дунфан Линъю, а немного подумав, добавила: — Пусть мы не от одной матери, но воспитывала нас обеих наложница Сянь, и я тоже зову ее матушкой. Во всем императорском дворе ближе друг к другу, чем мы с тобой, никого и быть не должно.

— Я знаю, старшая сестрица, я всё знаю.

Укладываясь под одеяло, Дунфан Ду кивал без умолку. Протянув левую руку, он зажал в своей правую руку Дунфан Линъю и, полный тоскливой привязанности, смотрел на нее, безмолвно повторяя про себя: «Всё добро, что ты сделала мне в прошлой жизни, я помню. После кончины матушки-наложницы опекали меня лишь нянюшка Ли да Баньлань — ну и ты. Ты с самого рождения была пожалована титулом принцессы Фэнлин и остаешься единственной принцессой нашего государства Дунцянь, твое положение благородно и высоко. Я хоть и принц по рождению, но особой любовью не пользовался, и если бы не твоя защита, как бы я пережил те безмятежно-счастливые дни после смерти матушки...»

Заметив в глазах Дунфан Ду тоскливую нежность, Дунфан Линъю с лаской погладила его по голове и нежно произнесла:

— Братец, сестрица уходит. Отныне сестрица будет навещать тебя ежедневно, незачем так тосковать.

— Счастливого пути, старшая сестрица.

С тоской в сердце Дунфан Ду провожал взглядом Дунфан Линъю, шаг за шагом удаляющуюся из его покоев. Лишь когда она полностью скрылась из виду, он позволил проявиться всей сдержанной доселе печали.

— Почему в прошлой жизни, глядя на старшую сестрицу, я испытывал лишь братско-сестринскую любовь, а ныне, возродившись, вспылал к ней совсем иными чувствами? Мы ведь кровные брат и сестра... — бормотал себе под нос Дунфан Ду, задавая вопрос в пустоту.

Вспомнив о своем несвойственном родственным чувствам к сестрице, он тут же вспомнил и о том, как в прошлой жизни погиб ради Ань Юнь: «Я ведь любил Юньэр, неужели после смерти ради нее я разлюбил ее? Верно, я же говорил, что если выпадет новая жизнь, любить ее больше не стану...»

«Оберегая память прошлой жизни, я принуждаю себя больше не любить тебя... Ох, все эти терзания и муки — лишь плоды моих собственных рук...»

Дунфан Ду все еще вопрошал себя, сможет ли он, как и поклялся перед смертью в прошлой жизни, больше никогда ее не любить, как вдруг послышался легкий свист ветра. Повернув голову, он увидел у своего изголовья Ань Юнь.

— Братец Ду, ты наконец очнулся! В прошлые приходы ты был без памяти, как тебе теперь?

Ань Юнь присела на корточки у изголовья постели Дунфан Ду, упершись руками в край кровати. Она сияла от радости, глядя на наконец пришедшего в себя Дунфан Ду, но, заметив, что он лишь молча смотрит на нее, сменила радостное выражение лица на тревожное и несколько раз позвала:

— Братец Ду!

Про себя же она подумала: «Уж не одурел ли братец Ду после болезни? Чего это он так остолбенело смотрит на Юньэр и молчит?..» Дунфан Ду увидел перед собой Ан Юнь — совсем не такую, какой запомнил её по предсмертным мгновениям прошлой жизни: прекрасную, в черных одеждах и с волосами цвета воронова крыла. Сейчас это была лишь хрупкая девочка с наивным, еще по-детски не сформировавшимся личиком. На мгновение он замер, сбитый с толку, но быстро опомнился, нахмурился и холодно произнес:

— Ан Юнь, ты как здесь оказалась?!

С этими словами он отвернулся, больше не глядя на неё, и уставился прямо на полог кровати.

— Брат Ду, что с тобой? — тринадцатилетняя Ан Юнь склонила голову набок, а в её глазах читалось полное недоумение из-за холодной отстраненности Дунфан Ду. — Брат Ду, у тебя всё еще жар? — на её лице запечатлелось искреннее беспокойство. Она протянула руку, желая прикоснуться к лбу Дунфан Ду, но не успела она и двинуться, как он резко взмахнул рукой и оттолкнул её со злостью. Голос его прозвучал ледяно:

— Этот принц прекрасно себя чувствует!

Услышав это, Ан Юнь еще больше растерялась. Невинная и чистая, еще не познавшая придворных интриг, она не стала долго раздумывать и прямо озвучила то, что её тревожило:

— Брат Ду, неужели Юнь-эр сделала что-то не так? Раньше ведь ты всегда звал меня Юнь-эр, почему вдруг назвал по имени — Ан Юнь?

Заметив, что Дунфан Ду по-прежнему хмурится и хранит холодное выражение лица, она тихонько продолжила:

— Брат Ду никогда при Юнь-эр не называл себя этим принцем...

Вспомнив, как сразу после окончания тренировок примчалась во Дворец Свежего Ветра к Дунфан Ду — искренне переживая за него, а в ответ встретила лишь ледяной приём, — она почувствовала невыносимую боль в сердце.

Слушая, как Ан Юнь с обидой и робкой осторожностью произносит: «Брат Ду никогда при Юнь-эр не называл себя этим принцем», Дунфан Ду почувствовал, как в груди заныло отчаянно ожесточившееся сердце, а воспоминания прошлой жизни хлынули наружу с непреодолимой силой.

Ан Юнь в детстве — наивная и чистая, зовущая его «брат Ду», и повзрослевшая Ан Юнь — сменившая его на посту главы тайной стражи, холодная как айсберг, но озаряющая улыбкой лишь его одного... Картины сменяли друг друга, пока не застыли на звуке капель крови, падающих с клинка, пронзившего его грудь.

«Да уж, в прошлой жизни я до самого смертного часа так и не назвал себя „этим принцем“ перед тобой».

Дунфан Ду поморщился и мысленно вздохнул:

«Но почему, несмотря на всю мою любовь к тебе, ты всё же подняла на меня руку? Я-то думал, что для тебя я — особенный. Пусть к остальным ты была безжалостна, ко мне-то рука у тебя точно не дрогнет. Моя Юнь-эр, как ты могла решиться поднять на меня меч? И только у самого края гибели я понял, как сильно заблуждался насчет своего места в твоём сердце. На первом месте для тебя всегда оставался императорский приказ. Ты смогла без колебаний отнять мою жизнь точно так же, как и любую другую, не испытывая ни капли жалости. Раз так, с какой стати мне и дальше относиться к тебе хорошо?»

Дунфан Ду разгладил напыхшиеся брови, с выдохом выпустив из груди скопившееся напряжение, и бесцветным, лишенным всяких эмоций голосом медленно произнес:

— Этот принц — второй императорский сын. За исключением отца-императора и матушки-императрицы, в присутствии остальных мне положено величать себя не иначе как «этот принц».

— Остальных... остальных... Разве те, кого брат Ду называет «остальными», это... — услышав такое, Ан Юнь испытала не просто обиду, а жгучую боль. Помолчав, она всё же решилась спросить: — Неужели это относится и к Юнь-эр?

Едва договорив, она почувствовала, как защипало глаза, а в голове закрутился один и тот же вопрос: «Что же такого сделала Юнь-эр? Почему после болезни брат Ду вдруг так сильно изменился ко мне?»

— Ты мне ни отец с матерью, ни старшая или младшая сестра, так что «остальные»... — Дунфан Ду заставил себя быть жестоким и договорил: — ...к остальным, разумеется, относишься и ты.

— Выходит, в сердце брата Ду Юнь-эр — всего лишь посторонняя... — голос Ан Юнь утих, превратившись в едва слышное жужжание. При этом её руки по-прежнему лежали на краю кровати. Присев на корточки у изголовья, она со слезами на глазах всматривалась в изящный, но ледяной профиль Дунфан Ду и, пытаясь заглушить душевную боль, перевела тему: — Брат Ду с самого начала разговора так ни разу и не повернулся к Юнь-эр.

— Впредь тайная стражница Ан пусть тоже не зовет меня братом Ду. Тебе суждено стать главой императорской стражи моего отца, а такого звания, как «брат Ду», этот принц не заслуживает.

«Раз уж решил отдалиться, лучше провести черту окончательно. Во всяком случае, это лучше, чем снова погибнуть от твоей руки и вновь испытать жгучую боль предательства».

Услышав, что Дунфан Ду запрещает ей называть его братом Ду, Ан Юнь в испуге ухватила за одеяло, укрывавшее его:

— Нет! Брат Ду навсегда останется братом Юнь-эр! Даже если в один прекрасный день Юнь-эр займет место наставника и станет настоящим тайным стражем, брат Ду всё равно навсегда останется моим братом Ду!

От обращения «Ан Юнь» в начале разговора до нынешней «тайной стражницы Ан» — Ан Юнь казалось, будто острый клинок вонзается ей в грудь снова и снова.

— Может ли брат Ду... перестать называть меня тайной стражницей Ан?

От этого прозвучавшего со стороны титула ей становилось невыносимо больно. «Уж лучше пусть зовет просто Ан Юнь, чем тайной стражницей Ан».

Почувствовав, как дрожат руки, вцепившиеся в одеяло, Дунфан Ду наконец повернул голову и снова посмотрел на Ан Юнь. В его взгляде таилась непонятная для неё скорбь и печать веков.

Дунфан Ду отчаянно хотел утешить Ан Юнь, сказать ей: «Брат Ду навсегда останется твоим братом Ду, и я буду звать тебя Юнь-эр, как и прежде». Но стоило ему вспомнить, как в прошлой жизни он погиб от её рук, как он подавил этот порыв и продолжил жестоким тоном:

— Тайная стражница Ан, разве твой наставник не учил тебя, как подобает обращаться к императорским сыновьям?

Кап, кап — слёзы Ан Юнь наконец покатались по щекам, и она уже не могла их сдерживать.

Увидев в заплаканных глазах Ан Юнь боль и непонимание, Дунфан Ду опустил взгляд: «Похоже, моё сердце всё-таки мягче твоего».

Подняв глаза на Ан Юнь, он вытащил правую руку из-под одеяла и нежно смахнул с её лица слёзы:

— Ну всё, брат Ду просто пошутил, чего ты вдруг разревелась!

Хотя это и были слова утешения, тепла в них почти не чувствовалось.

— Пошутил? — хотя на глазах Ан Юнь всё ещё блестели слёзы, стоило ей услышать, что это была всего лишь шутка, как её лицо озарилось улыбкой. — Зачем ты вздумал пугать Юнь-эр такими глупыми шутками без всякой причины? Неужели тебе хотелось посмотреть, как я плачу?

«Главное, чтобы брат Ду не отталкивал меня и не считал посторонней...»

Дунфан Ду слегка опешил, но всё же кивнул. Казалось, он больше не способен непринужденно шутить с Ан Юнь, и даже только что произнесенные слова утешения давались ему с большим трудом.

Ан Юнь понимала: всё, что он сказал до этого, было лишь попыткой утешить её, потому что ему стало жаль заплакавшую девочку. На самом деле слова о том, чтобы больше не звать его братом Ду, не были шуткой — он говорил всерьёз. Но пока Дунфан Ду утверждал, что это шутка, она была согласна и дальше притворяться, будто ничего не понимает.

— Раз так, мне кажется, брат Ду просто не хочет меня видеть! Юнь-эр тогда пойдет!

Если брат Ду не станет дразнить её, как бывало прежде, пожалуй, лучше ей и дальше притворяться дурочкой и капризничать.

В былые времена, увидев капризы Ан Юнь, Дунфан Ду обязательно щелкнул бы её по лбу и с лукавой улыбкой произнес: «Как я могу не хотеть тебя видеть? Не уходи, побудь со мной еще немного». Но сегодня он ответил иначе:

— И то верно, ступай-ка ты пока к себе, Юнь-эр.

К ней снова вернулось ласковое прозвище, но в голосе больше не было прежней нежности и баловства. Ан Юнь остолбенела. «Неужели... неужели и правда больше никогда не будет так, как прежде?»

— Т-тогда Юнь-эр идет. К-когда брат Ду поправится и настроение у него улучшится, я навещу тебя снова.

Ан Юнь изо всех сил старалась выглядеть непринужденно и утешала себя мыслью, что сегодняшняя холодность брата Ду вызвана лишь болезнью и плохим самочувствием. Вот выздоровеет — и всё вернется на круги своя.

Она поднялась на ноги, собираясь уходить, и в надежде замерла на пороге, бросив на Дунфан Ду прощальный взгляд. Заметив, что он и не думает её удерживать, девочка с тяжелым сердцем и тоской отвернулась. И тут Дунфан Ду снова подал голос:

— Юнь-эр, — тихо позвал он.

Не успел он произнести то, что собирался, как Ан Юнь стремглав бросилась обратно к кровати, на ходу выкрикивая:

— Я же знала, что брат Ду не хочет меня отпускать!

— Кхм, — Дунфан Ду криво усмехнулся, на мгновение застыв в неловком молчании, но всё же договорил начатое: — Юнь-эр, я хотел задать тебе один вопрос.

— О чём же брат Ду хочет спросить? — Ан Юнь прильнула к кровати, с ожиданием глядя на него во все глаза.

Помолчав немного, Дунфан Ду неторопливо произнес:

— Юнь-эр, если бы я всегда относился к тебе очень хорошо, скажи... в будущем смогла бы ты убить меня?

— Убить брата Ду?! — Ан Юнь слегка нахмурилась, а в её глазах отразилось искреннее недоумение: с чего это вдруг он задает такие странные вопросы? Подумав немного, она покачала головой: — С чего бы Юнь-эр убивать брата Ду?

— Правда не смогла бы? — в голосе Дунфан Ду сквозило неверие.

— Если брат Ду мне не верит, Юнь-эр может поклясться... — с этими словами она подняла руку.

Увидев, что Ан Юнь готова принести клятву, и вспомнив, как в прошлой жизни действительно погиб от её руки, Дунфан Ду поспешно перехватил её руку и опустил вниз:

— Не нужно клясться, я... я просто так спросил...

Заметив, что Ан Юнь с недоумением разглядывает его странное поведение, он поспешил

сменить тему:

— Юнь-эр, тебе... тебе тоже пора идти. Ты пробыла в моих покоях слишком долго, наставник хватится тебя и начнет тревожиться.

Эта неуклюжая попытка перевести тему лишь сильнее распалела подозрения Ан Юнь:

— Брат Ду, скажи честно, ты хочешь отдалиться от меня только потому, что я — тайный страж?

Дунфан Ду ошеломленно смотрел на Ан Юнь — ребёнка, обладающего столь тонкой и ранимой душой. Помолчав с минуту, он всё же легко покачал головой:

— В самый первый день нашей встречи ты сама сказала мне, что ты — тайный страж.

Подразумевалось, что причина отчуждения вовсе не в её профессии.

— Тогда почему же...

— Ладно, Юнь-эр, ступай обратно.

Дунфан Ду больше не желал продолжать этот разговор.

Заметив признаки раздражения на его лице, Ан Юнь поднялась и произвела:

— Т-тогда Юнь-эр придет завтра...

Не успела она договорить, как Дунфан Ду оборвал её:

— Завтра можешь не приходить.

— П-почему?

<http://bllate.org/book/21756/2249735>